

БЛЕЗЪ ПАСКАЛЬ.

(19 іюня 1623 г. — 19 авг. 1662 г.).

Относительно Паскаля гораздо легче рѣшить вопросъ, чѣмъ онъ хотѣлъ быть, чѣмъ рѣшить вопросъ о томъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности.

Паскаль хотѣлъ быть вѣрнымъ и послушнымъ сыномъ католической церкви. Послѣ его смерти въ его одеждѣ нашли зашитыми два лоскутка бумаги и пергамента, на которыхъ было между прочимъ написано: „Полная покорность Іисусу Христу и моему духовнику“. Эти слова датированы 23-мъ ноября 1654 г. ночными часами. Вся его послѣдующая жизнь показываетъ, что онъ не былъ намѣренъ отступать отъ этихъ словъ. Въ своихъ „мысляхъ“, которыя служатъ исповѣданіемъ его вѣры, онъ развилъ, что самъ разумокъ требуетъ отъ насъ, чтобы въ вопросахъ высшихъ мы слѣдовали не его требованіямъ, а вѣрѣ. „Послѣднимъ выводомъ разума должно быть признаніе, что существуетъ безчисленное множество вещей, его превосходящихъ. Слабъ тотъ разумъ, который не доходитъ до этого сознанія. Нужно, гдѣ слѣдуетъ сомнѣваться, гдѣ слѣдуетъ утверждать и гдѣ слѣдуетъ подчиняться. Кто не поступаетъ такъ, тотъ не знаетъ силы разума, Есть люди, грѣшащіе противъ этихъ трехъ правилъ: они или считаютъ все не требующимъ доказательствъ, потому что не умѣютъ доказывать, или во всемъ сомнѣваются, въ чемъ бы слѣдовало подчиняться, или, наконецъ, подчиняются во всемъ, не зная, гдѣ слѣдуетъ обратиться къ разуму.—Если все подчинимъ разуму, то наша религія не будетъ имѣть ничего таинственнаго и сверхъестественнаго. Если же пре-

небречь началами разума, то она покажется нелѣпою и смѣшною.

Разумъ, говоритъ блаженный Августинъ, никогда бы не подчинился, если бы не признавалъ, что есть случаи, гдѣ онъ долженъ подчиняться. Стало быть, онъ справедливъ, подчиняясь тамъ, гдѣ находить это нужнымъ“ ¹⁾. Вѣроватъ нужно въ Церковь. „Сказано: вѣруйте въ Церковь; но не сказано: вѣрите чудесамъ.—по той причинѣ, что послѣднее естественно, а первое — нѣтъ. Одному нужно было научить, другому не нужно“. „Пріятно быть на кораблѣ, выдерживающѣмъ бурю, когда увѣренъ, что онъ никогда не погибнетъ. Преслѣдованія, обращенныя противъ Церкви, походятъ на стихіи, обуревающія такой негибнущій корабль. Исторію Церкви слѣдуетъ собственно назвать *Исторіей стихій*“. „Наша воля никогда бы не удовлетворялась, если бы имѣла власть надъ всѣмъ, чего захочетъ; но удовлетвореніе получается въ ту же минуту, стоитъ лишь отказаться отъ собственной воли. Имѣя ее, нельзя быть вполнѣ довольнымъ; безъ нея же можно быть только довольнымъ“ ²⁾. Паскаль считалъ исповѣдь истиннымъ благомъ. „Католическая религія не обязываетъ открывать свои грѣхи всѣмъ безъ различія; она допускаетъ утаеніе ихъ отъ всѣхъ другихъ людей, за исключеніемъ одного, которому мы должны открывать глубину нашего сердца и показывать себя въ настоящемъ видѣ. Это единственный человѣкъ, котораго она повелѣваетъ намъ не вводить въ заблужденіе и возлагаетъ на него долгъ ненарушимой тайны, такъ что это знаніе въ немъ какъ бы не существуетъ. Можно ли представить себѣ что-нибудь болѣе милосердное и доброе? Не смотря на то, испорченность человѣка такъ велика, что онъ еще находить суровымъ этотъ законъ, и это было одною изъ главныхъ причинъ возбужденія противъ Церкви значительной части Европы“ ³⁾. Онъ признавалъ пресуществленіе хлѣба и вина въ Евхаристіи. „Мы вѣруемъ, что такъ какъ существо хлѣба измѣняется и пресуществляется въ существо тѣла Господа нашего Иисуса

1) Паскаль, Мысли о религіи. Перев. Долгова, 2-ое издан. стр. 80—81. Все послѣдующія указанія страницъ относятся къ этой книгѣ.

2) стр. 140, 153, 155.

3) стр. 30.

Христа, то Онъ дѣйствительно присутствуетъ въ немъ. Вотъ одна истина. Другая истина та, что это таинство есть также одинъ изъ символовъ креста и славы и воспоминаніе того и другого.

Такъ католическая вѣра соединяетъ эти двѣ, повидимому, противоположныя истины.

Ересь нашего времени, не понимая, что это таинство заключаетъ вмѣстѣ и присутствіе Иисуса Христа, и символъ этого присутствія,—что это жертва и въ то же время воспоминаніе жертвы, думаетъ, что нельзя принять одну изъ этихъ истинъ, не исключивъ другую.

По этой причинѣ они придерживаются того только мнѣнія, что это таинство имѣетъ лишь значеніе символа, и въ этомъ нѣтъ ереси. Они думаютъ, что мы исключаемъ эту истину, оттого и дѣлаютъ намъ столько упрековъ, ссылаясь на отцовъ Церкви! ясно на то указывающихъ. Наконецъ, они отрицаютъ реальное присутствіе Иисуса Христа въ таинствѣ. и въ этомъ ихъ ересь.

Потому-то самое простое средство помѣшать возникновенію ереси—пучать всѣмъ истинамъ, и самое вѣрное средство опровергать ихъ—объяснять всѣ истины.

Благодать будетъ всегда въ мірѣ, какъ и природа; она такъ сказать, естественна. Поэтому всегда будутъ и пелагиане и православные, и всегда будетъ борьба; потому что первое рожденіе производитъ однихъ, а благодать второго рожденія производитъ другихъ“¹⁾.

Итакъ, Паскаль хотѣлъ быть вѣрнымъ католикомъ. Въ осуществленіи требованій католической вѣры онъ проявилъ болѣе разумной ревности, усердія и великой силы духа, чѣмъ многіе изъ тѣхъ, которыхъ справедливо называютъ лучшими католиками. Но если человекъ былъ тѣмъ, чѣмъ онъ хотѣлъ быть, то онъ долженъ быть счастливъ, въ душѣ Паскаля должны были быть миръ и радость. Такому человеку, повидимому, должно быть чуждо трагическое. Но всякій, кто читалъ мысли Паскаля, даже не читая его біографіи, долженъ признать, что въ нихъ слышится что-то мучительное, что-то трагическое. Читатель не найдетъ въ этихъ

¹⁾ стр. 145—146.

мысляхъ блаженно успокоенной вѣры, онѣ написаны не рукою человѣка переживавшаго религіозное благополучіе.

Очень естественно и очень широко распространено предположеніе, что Паскаль только хотѣлъ вѣрить, но не имѣлъ вѣры дѣйствительно, что онѣ переживалъ мучительныя сомнѣнія, что онѣ долженъ былъ сказать о себѣ словами поэта, что хотя онѣ и томится по вѣрѣ,

Но разумъ—вѣры врагъ—его лукаво учить

И нехотя внимаетъ онѣ врагу.

Въ произведеніяхъ Паскаля нѣтъ указаній на существованіе у него такихъ сомнѣній, но въ нихъ слышится горячее желаніе убѣдить въ правдѣ христіанскаго ученія. Взвѣсившая апологетическіе доводы Паскаля, невѣрующіе писатели находятъ ихъ необудительными и приходятъ къ выводу, что если Паскаль не могъ убѣдить ими другихъ, то, можетъ быть, въ концѣ концовъ онѣ не сумѣлъ убѣдить и самого себя. Паскаль въ своей непродолжительной жизни пережилъ продолжительныя и тяжкія болѣзни. Религія облегчаетъ въ страданіяхъ. Паскаль усердно прибѣгалъ къ этому лѣкарству, но нѣкоторые склонны думать, что оно не всегда было для него дѣйствительнымъ, Паскаль невысокаго мнѣнія о человѣческомъ разумѣ, но если разумъ вообще можетъ приводить къ заблужденіямъ, то онѣ можетъ приводить къ нимъ и въ дѣлахъ вѣры. Послѣдовательно проведенный скептицизмъ Паскаля долженъ быть и скептицизмомъ религіознымъ и вотъ—Паскаля сближаютъ съ Монтенемъ. Но сомнѣваясь, Паскаль не хотѣлъ сомнѣваться. Его воля всецѣло хотѣла подчиниться власти (Церкви), которую его разумъ находилъ подозрительной. Въ сочиненіяхъ Паскаля нѣтъ рѣчи объ этомъ конфликтѣ ума и воли, но можетъ быть горячность и обиліе его доводовъ въ пользу вѣры заставляютъ подозрѣвать нѣкоторыхъ, что онѣ имѣлъ въ виду убѣдить не только другихъ, но и самого себя.

Подсказывается и другое предположеніе. Въ разсужденіяхъ Паскаля слышится тоска и скорбь о томъ, что природа человѣка такъ глубоко испорчена. Не мучился ли Паскаль сознаніемъ собственнаго несовершенства? Не искушали ли его соблазны? Онѣ былъ человѣкомъ свѣтскимъ, одно время имѣлъ успѣхъ въ свѣтѣ, несомнѣнно также, что онѣ въ одно время думалъ о женитбѣ. Можетъ быть въ немъ про-

исходила борьба между стремленіемъ къ Богу и святости, съ одной стороны, и къ міру и грѣху, съ другой, — такъ какъ то, что считается невинными развлеченіями и удовольствіями, по ригористической морали Паскаля, было грѣхомъ. Повергаясь предъ Христомъ, Паскаль можетъ быть чувствовалъ свою нечистоту. Чувствуется и рассказываютъ, что Паскалемъ владѣлъ страхъ. Чего могъ бояться этотъ человѣкъ? Боятся обыкновенно потери какихъ-либо благъ, Паскаль отказался отъ нихъ добровольно. Онъ могъ бояться только ада, только разобщенія со Христомъ. Его могла смущать только грѣховность собственнаго настроенія.

Можно дѣлать и инія предположенія. Было бы неблаго-разумной попыткой со стороны автора настоящихъ строкъ—человѣка иного исповѣданія, иной націи, иной эпохи и иного общественнаго класса—пытаться проникнуть въ тайники этой могучей и вмѣстѣ какъ бы больной души. Но можетъ быть позволительно будетъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія. Человѣкъ такого высокаго духа, какъ Паскаль, непременно долженъ употребить всѣ усилія къ тому, чтобы приблизить себя къ своему идеалу. Вмѣстѣ съ тѣмъ Паскаль въ своей вѣрѣ исповѣдывалъ Бога, какъ безконечное милосердіе и безконечную любовь. Поэтому сознавая свое различіе отъ своего идеала, онъ не могъ впадать въ крайнее смущеніе или даже отчаяніе, онъ долженъ былъ вѣрить, что Богъ проститъ ему его грѣхи и даже его сомнѣнія. Онъ долженъ былъ скорбѣть о своемъ несовершенствѣ, но эта скорбь не могла переходить въ трагическое мученіе. Не разстояніе, раздѣляющее Паскаля отъ его идеала, было источникомъ мученій его жизни, а, можетъ быть, тѣ своеобразныя препятствія, которыя онъ встрѣтилъ на пути къ этому идеалу. Паскаль хотѣлъ быть послушнымъ сыномъ Церкви, хотѣлъ вѣрить этому надежному кораблю, который не можетъ сокрушить никакая сила и не сокрушитъ сила ада. Но желаніе послушанія, руководившее Паскалемъ, столкнулось на этомъ кораблѣ съ требованіями, которыя представлялись ему неразумными и вредными нравственно. Паскалю пришлось считаться съ тенденціей провозгласить папу непогрѣшимымъ главою Церкви. Догматъ непогрѣшимости провозглашенъ былъ болѣе, чѣмъ два столѣтія спустя послѣ смерти Паскаля, но стремленіе папъ рѣшить вопросъ о своей непогрѣшимости положитель-

нымъ образомъ явно обозначилось еще раньше, чѣмъ родился Паскаль, и Паскаль высказался о немъ слѣдующимъ образомъ. „Если смотрѣть на Церковь какъ на единицу, то любой папа, глава ея, есть какъ бы все. Если считать ее за множественность, то папа не больше, какъ часть ея. Множественность, не восходящая въ единство, есть безпорядокъ: единство, не зависящее отъ множественности, есть тиранія“. „Богъ не творитъ чудесъ въ обыкновенномъ ходѣ своей Церкви. Было бы страннымъ чудомъ, если бы непогрѣшимость была въ одномъ, но во множественности она была бы такъ же естественна, какъ тайное присутствіе Божіе въ природѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ твореніяхъ Его“¹⁾. Затѣмъ Паскаль былъ вовлеченъ въ споръ съ іезуитами по поводу книги Янсенія Augustinus. Въ этомъ спорѣ были двѣ стороны: догматическая (іезуиты извлекли изъ книги Янсенія положенія, что нѣтъ свободы воли и что Христосъ умеръ не за всѣхъ, а значить, за безусловно предопредѣленныхъ ко спасенію) и практическая (Янсеній осуждалъ въ своей книгѣ казуистическую мораль іезуитовъ, вслѣдствіе чего іезуиты и напали на его книгу). Въ теоретическомъ спорѣ обсуждались два вопроса: были ли на самомъ дѣлѣ въ книгѣ Янсенія приписываемыя ему положенія (во всякомъ случаѣ они не были формулированы, а по утверженію іезуитовъ вытекали изъ нея) и должно ли считать эти положенія еретическими? Не въ этихъ вопросахъ лежалъ центръ тяжести спора. Несомнѣнно, Паскаль бы не подписался подъ приведенными положеніями. Существо спора заключалось въ вопросахъ практической морали. Іезуиты разработали (несправедливо приписывая имъ инициативу и начало выработки) теорію практическихъ приспособленій евангельской морали къ дѣйствительности. Приспособленія сводились къ отрицанію евангельскаго закона. Евангеліе запрещаетъ то-то, но при такихъ-то и при такихъ-то обстоятельствахъ запрещеніе это можно нарушить. Остроуміе іезуита Эскабара всѣ недозволенные Евангеліемъ поступки превратило въ дозволенные. Все можетъ быть дозволено, все можетъ быть прощено. Теоретически евангельскій законъ оставался предметомъ благоговѣйнаго почитанія, какъ божественный, практически онъ

¹⁾ Стр. 168.

отмѣнялся, какъ неосуществимый. Заповѣди читались и пѣлись въ церквахъ затѣмъ, чтобы ихъ не исполнять. Практика жизни послѣдующихъ столѣтій пошла гораздо дальше. Теперь открыто признается, что всякое преступленіе можно защищать. Кассиръ похитилъ деньги изъ кассы. Но у него больна жена, мать, у него много дѣтей. Дурное дѣйствіе оправдывается во имя доброй цѣли, но если даже у дурного дѣйствія (кражи) были и дурныя цѣли (кутежи, игра), всегда можно доказывать, что это дѣйствіе невмѣняемо. Люди XX столѣтія напрасно возмущаются моралью іезуитовъ, ихъ теорія морали пошла гораздо далѣе іезуитской. Но въ XVII столѣтіи для благочестивыхъ людей пор-рояля, въ кругъ которыхъ вошелъ Паскаль, и которые стремились къ усовершенію, эта теорія, дѣлающая усовершеніе ненужнымъ и допускающая возможность всеобщаго оправданія, казалась безнравственной и ужасной. Теорія направлялась противъ нравственнаго прогресса, противъ нравственнаго усовершенія,— все нравственное существо Паскаля должно было возмутиться ею. Между тѣмъ теорія находила себѣ санкцію въ Римѣ, который начиналъ требовать признанія его санкціи непогрѣшимою, и, понятно, усвоилась дѣйствительностію, оправдывая ее. Блестящія „письма къ провинціалу“ Паскаля были направлены противъ іезуитскаго ученія; если бы это ученіе было дѣломъ частныхъ лицъ, оно, безъ сомнѣнія, только возмущало бы его, но ученіе становилось церковнымъ и поэтому должно было глубоко смущать человѣка, хотѣвшаго быть вѣрнымъ сыномъ Церкви. Церковь должна быть святой и непорочной. Но на ней замѣчались пятна. Люди посредственные, если замѣчаютъ пятна на своей святинѣ, закрываютъ глаза, чтобы не видѣть ихъ. Этимъ страусовскимъ приемомъ они спасаютъ свое благополучіе. Великіе люди не могутъ поступать такъ, они не закрываютъ глаза предъ истиною, какъ бы она ни была тяжела и мучительна, отсюда у нихъ много страданій—непонятныхъ большинству.

Во всякомъ случаѣ, чтобы понять Паскаля и его воззрѣнія, нужно прежде всего читать внимательно его „мысли“. Никакая ученая біографія не объясняетъ его читателю такъ, какъ онъ объясняетъ самого себя. Не нужно также много довѣрять изложенію его воззрѣній разнымъ авторамъ. Афоризмы трудно заключать въ систему, и кто дѣлалъ это по

отношенію къ Паскалю,—обыкновенно или опускалъ что-либо цѣнное въ его мысляхъ или приносилъ нѣчто свое, съ чѣмъ Паскаль могъ быть совершенно несогласенъ. Такихъ людей, какъ Паскаль, пріятно, считать своими союзниками. Отсюда близко возникновеніе предположенія, что по тѣмъ вопросамъ, по которымъ Паскаль высказался неполнѣ ясно, онъ смотрѣлъ приблизительно такъ, какъ смотримъ мы. У православнаго богослова есть особыя побужденія поддаться этому искушенію, но за всѣмъ тѣмъ поддаваться ему опасно. Паскаль признавалъ авторитетъ видимой Церкви и отрицалъ существованіе у Церкви видимаго непогрѣшимаго главы; съ тѣмъ и другимъ согласно православіе, но нужно помнить, что православіе и воззрѣнія Паскаля заключаются не только въ этомъ.

Нижеслѣдующее представляетъ собою попытку изложить или, вѣрнѣе, указать съ нѣкоторыми замѣчаніями тѣ положенія Паскаля, которыя по представленію автора настоящей статьи являются основными въ „мысляхъ“ и имѣютъ наибольшее значеніе для современной религіозной философіи и апологетики.

Кажется, никто доселѣ не производилъ сопоставленія Паскаля съ Тертулліаномъ, а между тѣмъ *credo, quia absurdum* послѣдняго является исходнымъ началомъ апологетическихъ соображеній перваго. Это возможно, потому что невозможно; это прекрасно, потому что безобразно; это вѣрно, потому что нелѣпо. Такъ разсуждалъ Тертулліанъ о воплощеніи, смерти и воскресеніи Христа и такъ разсуждалъ Паскаль о христіанской вѣрѣ. Это—премудрость, потому что это безуміе (для еллина, 1 Коринѣ. 1, 23). „Единственная религія, противная природѣ въ нынѣшнемъ ея состояніи, отвергающая всѣ наши удовольствія и кажущаяся на первый взглядъ несогласною съ здравымъ смысломъ, одна только и пребывала на землѣ постоянно“. „Удивительно, между тѣмъ, что самая непостижимая для нашего разумѣнія тайна—преемственность или наслѣдственность первороднаго грѣха, и есть именно то, безъ чего мы никомъ образомъ не можемъ познать самихъ себя. И дѣйствительно, ничто не противорѣчитъ такъ нашему разуму, какъ отвѣтственность за грѣхъ перваго человѣка тѣхъ, которые, будучи столь удалены отъ первовиновника грѣха, никакъ, повидимому, не

могутъ нести вины за него. Эта наслѣдственность вины кажется намъ не только невозможной, но и крайне несправедливой: съ нашимъ жалкимъ правосудіемъ никакъ не согласуется вѣчное осужденіе неспособнаго сына за грѣхъ, въ которомъ онъ принималъ, повидимому, такъ мало участія,—какъ въ событіи, совершившемся за нѣсколько тысячъ лѣтъ ранѣе его появленія на свѣтъ, Конечно, такое ученіе поразительно для насъ; но безъ этой тайны, самой таинственной изъ тайнъ, мы не будемъ понятными самимъ себѣ. Вся наша жизнь, всѣ наши дѣйствія возвращаются въ глубинѣ этой тайны; такъ что безъ нея человѣкъ еще не постижимъе самой тайны.

Первородный грѣхъ есть безуміе въ глазахъ людей; но я этого не отрицаю. Вы не можете, стало быть, упрекнуть меня въ неразуміи за это ученіе, такъ какъ я выдаю его за безумное. Но это безуміе мудрѣ всей мудрости человѣческой, потому что безумное Божіе мудрѣ человѣковъ (1 Коринѣ. 1, 25). Ибо, безъ этого ученія, какъ опредѣлить, что такое человѣкъ? Все состояніе его зависитъ отъ этой незамѣтной точки. И какъ бы онъ замѣтилъ ее своимъ разумомъ, когда эта вещь выше его разума и когда разумъ его, весьма далекій отъ возможности открыть ее доступными ему путями, отделяется отъ нея тотчасъ же, какъ ее укажутъ ему?¹⁾ Люди, отказывающіеся понять первородный грѣхъ повредившій природу человѣка, вмѣстѣ съ тѣмъ отказываются повѣрить въ возможность Боговоплощенія въ виду ничтожества человѣка. Но въ виду этого признаваемого ими ничтожества, которое конечно есть ничтожество разума, они неправѣ рѣшаютъ вопросъ о столь великомъ событіи и измѣряютъ и ставятъ предѣлы Божественному милосердію. Но на самомъ дѣлѣ такъ ли еще ничтоженъ человѣкъ? Паскаль указываетъ, что кромѣ ничтожества въ человѣкѣ открывается и величіе. У человѣка есть достоинство. „Не въ пространствѣ, занимаемомъ мною, долженъ я полагать свое достоинство, а въ направленіи моей мысли. Я не сдѣлаюсь богаче чрезъ обладаніе пространствами земли. Въ отношеніи пространства, вселенная обнимаетъ и поглощаетъ меня, какъ точку; мыслію же своею я обнимаю ее.

¹⁾ Стр. 72, 76.

Человѣкъ самая ничтожная былинка въ природѣ, но былинка мыслящая. Не нужно вооружаться всей вселенной, чтобы раздавить ее. Для ея умерщвленія достаточно небольшого испаренія, одной капли воды. Но пусть вселенная раздавить его, человѣкъ станетъ выше и благороднѣе своей убитыцы, потому что онъ сознаетъ свою смерть; вселенная же не вѣдаетъ своего превосходства надъ человѣкомъ.

Такимъ образомъ все наше достоинство заключается въ мысли. Вотъ чѣмъ должны мы возвышаться, а не пространствомъ и продолжительностію, которыхъ намъ не наполнить. Будемъ же стараться хорошо мыслить: вотъ начало нравственности.

Очевидно, человѣкъ созданъ для мышленія; въ этомъ все его достоинство, вся его заслуга, и весь долгъ его мыслить, какъ слѣдуетъ, а порядокъ мысли—начинать съ себя, съ своего Создателя и своего назначенія.

А о чемъ думаетъ свѣтъ? Онъ никогда объ этомъ не думаетъ: онъ помышляетъ о танцахъ, музыкѣ, пѣніи, стихахъ, играхъ и т. д., думаетъ какъ бы подраться, сдѣлаться царемъ, не задумываясь при этомъ, что значить быть царемъ и что значить быть человѣкомъ“ ¹⁾.

Размышленіе о томъ, что значить быть человѣкомъ и что представляетъ собою человѣкъ въ дѣйствительности, открываетъ Паскалю нравственное убожество человѣка въ настоящемъ и великое назначеніе его въ будущемъ. Человѣкъ такъ испорченъ, что боится заглянуть въ самого себя и поэтому боится одиночества, отношенія людей основываются на взаимномъ обманѣ (лести, умолчаніи о недостаткахъ тѣхъ, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло), рычагами дѣятельности являются тщеславіе, корысть и инныя невысокія страсти. Несомнѣнно, что нравственно человѣкъ есть существо крайне павшее, но и умственно онъ есть существо крайне ограниченное. Человѣческая мысль не можетъ постичь безконечнаго. Богъ есть безконечность. Анализируя это понятіе, мысль запутывается въ противорѣчіяхъ. Безконечность есть число, опредѣляющее или характеризующее величину. Всякое число есть четъ или нечетъ, и всякое число чрезъ прибавленія къ нему единицы измѣняется изъ четнаго въ нечетное или наоборотъ.

¹⁾ Стр. 25.

Безконечность не измѣняется чрезъ прибавленіе къ нему какаго бы то ни было конечнаго числа, какъ и отъ вычитанія. Такимъ образомъ, безконечность для насъ непостижима, но въ такомъ случаѣ для насъ непостижимъ и Богъ. Какъ же рѣшить вопросъ—существуетъ Онъ или не существуетъ? Положимъ, намъ предложили бы принять участіе въ пари, одна сторона котораго говорить, что Бога нѣтъ, другая,—что Онъ существуетъ. Самое разумное, конечно, отказаться отъ пари, такъ какъ мы не знаемъ вѣрнаго отвѣта, но, говоритъ Паскаль, дѣлать ставку необходимо, „Не въ нашей волѣ играть или не играть. На чемъ же вы остановитесь? Такъ какъ выборъ сдѣлать необходимо, то посмотримъ, что представляетъ для васъ меньше интереса: вы можете проиграть двѣ вещи,—истину и благо, и двѣ вещи вамъ приходится ставить на карту, ваши разумъ и волю, ваше познаніе и ваше блаженство; природа же ваша должна избѣгать двухъ вещей: ошибки и бѣдствія. Разъ выбирать необходимо, то вашъ разумъ не потерпитъ уцербана ни при томъ. ни при другомъ выборѣ. Это безспорно; ну, а ваше блаженство?

Взвѣсимъ выигрышъ и проигрышъ, ставя на то, что Богъ есть. Возьмемъ два случая: если выиграете, вы выиграете все; если проиграете, то не потерпите ничего. Поэтому, не колеблясь, ставьте на то, что Онъ есть.

Отлично слѣдуетъ такъ поступать; но можетъ быть, я дѣлаю слишкомъ большую ставку?

Посмотримъ. Такъ какъ случайности выигрыша и потери одинаковы, то если бы вамъ представлялась возможность выиграть только двѣ жизни за одну, то и тогда рискнуть этою одною не было бы неразумно. А если бы можно было выиграть три жизни, рискъ былъ бы еще умѣстнѣе (такъ какъ вы въ необходимости играть), и вы поступили бы неблагоразумно, не рискнувъ своею жизнію ради выигрыша трехъ жизней въ такой игрѣ, гдѣ случайности выигрыша и проигрыша одинаковы. Но есть вѣчная жизнь и вѣчное счастье. Поэтому было бы глупостію не поставить на карту конечнаго ради безконечнаго, если бъ даже изъ безконечнаго числа случайностей одна бы только была на вашей сторонѣ, не говоря уже объ игрѣ при одинаковыхъ шансахъ за и противъ. Выигрышъ и рискъ здѣсь уравновѣшены.

Вездѣ, гдѣ дано безконечное и нѣтъ безконечно великаго риска проигрыша противъ вѣроятности выигрыша, тамъ нечего взвѣшивать, а нужно отдавать все. Такимъ образомъ, будучи принуждены играть, мы, желая сохранить свою жизнь вмѣсто того, чтобы рискнуть ею ради выигрыша безконечнаго—столь же возможнаго, какъ и проигрышъ ничтожества,—доказываемъ, что дѣйствуемъ вопреки разсудку.

Ни къ чему не послужило бы возраженіе, будто рискуешь вѣрнымъ ради гадательнаго выигрыша и что безконечное разстояніе, отдѣляющее *несомнѣнность* ставки отъ *сомнительности* выигрыша, равняется конечному благу, которое ставится несомнѣнно ради сомнительнаго безконечнаго. Это не такъ. Всякій игрокъ рискуетъ съ увѣренностію ради выигрыша, въ которомъ не увѣренъ, и тѣмъ не менѣе онъ несомнѣнно рискуетъ конечнымъ для сомнительнаго выигрыша конечнаго же, нисколько не погрѣшая этимъ противъ разсудка. Ложно думать, что между этою увѣренностію въ ставкѣ и неуѣренностію въ выигрышѣ разстояніе безконечно. Въ дѣйствительности же безконечность есть только между несомнѣностію выигрыша и несомнѣнностію потери. Но сомнительность выигрыша пропорціональна несомнѣнности ставки, какъ это вытекаетъ изъ отношенія случайностей выигрыша и потери. Отсюда выходитъ, что если случайностей съ одной стороны столько же, сколько и съ другой, то идетъ партія равная противъ равной, и тогда увѣренность въ ставкѣ равняется неуѣренности въ выигрышѣ. Такимъ образомъ, наше предложеніе безконечно сильно, когда рисковать приходится въ безконечномъ въ игрѣ, гдѣ случайности выигрыша и проигрыша одинаковы и выигрышемъ можетъ быть безконечное. Это доказывается само собою; и если люди способны понимать какія-нибудь истины, это одна изъ нихъ“ ¹⁾. Математически пари Паскаля можно выразить такимъ образомъ. Если за бытіе Божіе имѣется одинъ шансъ и въ случаѣ выигрыша получается блаженство, то за Бога мы имѣемъ $1 \times \infty$; если противъ бытія Божія мы имѣемъ очень много шансовъ A и въ случаѣ, если Его нѣтъ, воспользуемся очень многими земными благами B , то противъ Бога мы будемъ имѣть

¹⁾ Стр. 65—66.

$A \times B$. Очевидно, что $1 \times \infty > A \times B$. Едва ли трудно замѣтить слабыя стороны этого пари. Правильно ли поставлена дилемма Паскалемъ? Человѣкъ, отрицающій бытіе Божіе, дѣйствительно ли теряетъ вѣчность? Можетъ быть, въ мірѣ новомъ, познавъ Бога, онъ окажется способнымъ въ концѣ концовъ придти съ Нимъ въ блаженное общеніе? У Достоевскаго есть изображеніе такого ученаго, который не вѣрилъ и умеръ и возмутился даже, увидѣвъ, что его невѣріе было заблужденіемъ, былъ осужденъ на то, чтобы прошелъ квадриллионъ шаговъ, не хотѣлъ идти, но потомъ пошелъ, прошелъ и, вступивъ на небо, искренно воскликнулъ „осанна“, даже перехватилъ въ своемъ религіозномъ ликованіи такъ, что по разсказу чорта, отъ котораго ведется рѣчь, которые полагородиѣ ему руки сначала не подавали. Если отрѣшиться отъ юмористической стороны разсказа, то получится мысль сама по себѣ не заключающая въ себѣ несообразностей, что настоящею жизнію еще можетъ не вполне опредѣлиться жизнь вѣчная, а тогда у неравенства Паскаля безконечности могутъ быть въ обѣихъ частяхъ и даже могутъ быть устранены, за то конечныя комбинаціи будутъ въ пользу отрицанія бытія Божія. За всѣмъ тѣмъ его доказательство отъ пари не можетъ быть отвергнуто, оно должно быть видоизмѣнено, въ него нужно ввести осложненія. Можетъ быть на вопросъ какъ нужно жить: такъ ли, какъ будто Бога нѣтъ, или такъ, какъ бы Онъ существуетъ? легче дать отвѣтъ и обосновать его—хотя трудно обосновать его въ немногихъ словахъ,—чѣмъ принять какую-либо сторону въ запутанномъ пари Паскаля.

По мысли Паскаля въ пари о бытіи Божіемъ человѣкъ долженъ принять сторону утверждающаго это бытіе, т. е. долженъ повѣрить въ бытіе Божіе. Но повѣрить въ бытіе Божіе человѣкъ не можетъ, онъ можетъ только пожелать повѣрить. Какъ же желаніе вѣры замѣнить обладаніемъ вѣрой? Паскаль на это даетъ такой отвѣтъ: живите и дѣйствуйте такъ, какъ будто вы уже вѣрите. Приводятъ обыкновенно совѣтъ Паскаля: пить святую воду, заказывать обѣдни для того, чтобы возбудить въ себѣ вѣру, сопоставляютъ это со словами Монтеня: „нужно быть безумнымъ, чтобы умудриться“ (Опыты, кн. VI, гл. XII). Но напрасно представляютъ, что на самомъ дѣлѣ, по мысли Паскаля, съ

этого должны начинать невѣрующіе, хотя у него и употребляется здѣсь слово „начинать“ (commencer). Нужно видѣть, что онъ здѣсь обращаетъ свою рѣчь не къ тѣмъ, которые не вѣрятъ, а къ тѣмъ, которые хотятъ повѣрить. Онъ приглашаетъ пить святую воду того, кто хочетъ повѣрить въ ея святость. Онъ приглашаетъ въ сущности повѣрить на опытъ свою желаемую вѣру, приглашаетъ тѣхъ, у которыхъ возможны благопріятныя условія для опыта или которые могутъ постепенно воспитать въ себѣ эти условія—благоговѣйно серьезное отношеніе къ дѣлу.

Но прежде, чѣмъ на самомъ дѣлѣ обратиться къ святой водѣ, Паскаль приводитъ многіе доводы, почему должно явиться желаніе къ ней обратиться. Для людей развитыхъ требуется религія умозрительная, для людей простыхъ—внѣшняя (обрядовая). Универсальная религія должна отвѣчать потребностямъ всѣхъ. Такова религія христіанская. „Другія религіи, какъ напримѣръ, языческія, болѣе доступны для простого народа, ибо ограничиваются одной внѣшней стороной, но непригодны для людей мыслящихъ. Послѣднимъ болѣе соотвѣтствовала бы чисто умственная религія; зато она не годилась бы для народа. Одна христіанская религія отвѣчаетъ этимъ обоимъ требованіямъ: въ ней есть и внѣшняя сторона. Она возвышаетъ народъ до пониманія ея внутренняго содержанія и принижаетъ горделивыхъ до внѣшней своей стороны; безъ этого она была бы несовершенна, ибо необходимо, чтобы народъ понималъ духъ буквы, а мыслящіе и разсуждающіе подчиняли бы свой умъ буквѣ. Внѣшность должна сопровождать внутреннее настроеніе, чтобы испросить чего-либо отъ Бога, т.-е. нужно становиться на колѣна, молиться устами и т. д., чтобы гордый человѣкъ, не хотѣвшій подчиниться Богу, подпалъ бы теперь въ подчиненіе твари. Ждать помощи отъ этой внѣшности было бы суевѣріемъ, какъ нежеланіе присоединить ее къ внутреннему содержанію обличало бы гордость“ ¹⁾. Ни одна религія также (кромѣ христіанской) не объяснила человѣку человѣка. „Ни одна религія (кромѣ христіанской) не признала въ человѣкѣ самой совершенной и, въ то же время, жалкой твари. Одни, хорошо сознавая его совершен-

¹⁾ стр. 68—69.

ства, считали низостию и неблагодарностью тѣ невысокія понятія, которыя люди естественно имѣютъ о себѣ; другіе же, вполне понимая всю справедливость невысокаго понятія о себѣ человѣка, встрѣчали презрительной насмѣшкой это одинаково свойственное ему сознание величія. Только наша религія научила, что человѣкъ родится во грѣхѣ; никакая философская секта этого не сказала; стало быть, и ни одна не сказала правды“¹⁾. Истинность христіанства не закрыта, о ней свидѣлствуютъ чудеса и пророчества, но она и не слишкомъ ярка. Паскаль такъ разсуждаетъ объ этомъ: „Богъ хотѣлъ искупить людей и дать возможность спасенія ищущимъ Его. Но люди оказываются столь недостойными, что Богъ, по справедливости, отказываетъ нѣкоторымъ, вслѣдствіе ихъ загрубѣлости, въ томъ, что даруетъ, по незаслуженному ими милосердію, другимъ. Если бы Онъ пожелалъ побороть упорство самыхъ загрубѣлыхъ, Онъ могъ бы сдѣлать это, обнаруживъ Себя имъ такъ торжественно, что они не могли бы усомниться въ истинности Его существа,—какъ явится Онъ въ послѣдній день при такомъ громѣ, молніи и разрушеніи природы, что мертвые воскреснутъ и самые слѣпые увидятъ Его.

Но не въ такомъ видѣ пожелалъ Онъ совершить свое кроткое пришествіе; такъ какъ множество людей оказались недостойными Его милосердія, то Онъ не хотѣлъ даровать имъ того блага, отъ котораго они сами отказываются. Поэтому весьма справедливо, что Онъ явился не въ полнотѣ Своего божественнаго величія, что, несомнѣнно, заставило бы увѣровать въ Него всѣхъ людей, однако, и не настолько таинственно, чтобы Его не могли узнать искренно Его ищущіе. Онъ хотѣлъ дать такимъ людямъ полную возможность узнать Его и потому, желая быть явнымъ для ищущихъ Его всѣмъ сердцемъ и скрытымъ отъ тѣхъ, которые всѣмъ сердцемъ бѣгутъ Его, Онъ умѣряетъ возможность Его познанія: ясно открывая Себя стремящимся къ Нему и скрываясь отъ людей равнодушныхъ“²⁾. Путь, какимъ человѣкъ можетъ найти Христа, по Паскалю таковъ. Положеніе людей на землѣ ужасно, Бога не видно, нужно искать, не оста-

1) *ibid.*

2) Стр. 121—122.

вилъ ли Онъ гдѣ слѣдовъ Своего существованія. Съ этою цѣлю разсматриваются различныя религіи, ни одна изъ нихъ не заслуживаетъ вѣры, но вотъ одинъ народъ и одна религія представляютъ исключеніе: это—евреи и ихъ религія. Этотъ народъ самый древній, его книги самая древнія, народъ этотъ поражаетъ своею искренностію:—онъ тщательно хранить книги, въ которыхъ бичуются его жестокосердіе и невѣрность. Евреи обладали великою вѣрою въ пророчества и упорно отрицаютъ ихъ исполненіе, и самое это упорство ихъ предсказано въ пророчествахъ:—именно ихъ отверженіе и распятіе Іисуса Христа, отверженіе краеугольнаго камня, который сдѣлался для нихъ камнемъ преткнанія и соблазна. Въ пророчествахъ былъ смыслъ плотской (Мессія—раздаватель даровъ и освободитель) и духовный (духовное возрожденіе человѣчества), послѣдній прикрытъ первымъ. „Одна изъ главныхъ причинъ, почему пророки облекали общаема имъ духовныя блага въ символы благъ земныхъ, была та, что они имѣли дѣло съ народомъ чувственнымъ, котораго нужно было сдѣлать носителемъ завѣта духовнаго“ ¹⁾. Но во многихъ мѣстахъ онъ очевиденъ и вездѣ при внимательномъ чтеніи онъ ясенъ. Но есть люди, желающіе быть слѣпыми, и еврейская религія, какъ затѣмъ и христіанская, просвѣщая однихъ, ослѣпляетъ таковыхъ и при томъ такъ, что сами ослѣпленные являются свидѣтелями истинности религіи. „Ничего мы не поймемъ въ дѣлахъ Божіихъ, если не поставимъ себѣ за правило, что Онъ желалъ ослѣпить однихъ и просвѣтить другихъ“ ²⁾. Паскаль рекомендуетъ не судить о еврейской религіи по ея исполнителямъ, а по ея книгамъ. Точно такъ же должно поступать и по отношенію къ христіанству. Для пониманія Библіи онъ указываетъ такой руководительный ключъ: нужно презирать самого себя. „Завѣса, закрывающая книги Писанія для іудеевъ, закрываетъ ихъ и для плохихъ христіанъ, а равно для всѣхъ, недостаточно презирающихъ самихъ себя. Но какъ легко становится понимать св. книги и познать Іисуса Христа, когда дѣйствительно презираешь себя“ ³⁾.

Весь Ветхій Завѣтъ есть прообразъ. „Единственная конеч-

¹ Стр. 97.

² Стр. 126.

³⁾ Стр. 94.

ная цѣль книгъ Ветхаго Завѣта есть любовь къ Богу. Все, что въ нихъ не клонится къ этой единственной задачѣ, есть ея проображеніе, ибо, въ виду единственной цѣли, все, что не выражаетъ ея непосредственно, есть прообразъ.

Богъ такимъ путемъ разнообразить эту единственную заповѣдь любви, чтобы удовлетворить наше ищущее разнообразія любопытство, и этимъ разнообразіемъ ведетъ насъ всегда къ тому, что намъ единственно нужно. Ибо потребно только одно, а мы любимъ разнообразіе, и Богъ удовлетворяетъ объ эти наши потребности путемъ разнообразій, ведущихъ къ единственной нашей *потребѣ*“ ¹⁾. Ветхій Завѣтъ былъ завѣтомъ закона, его смѣнилъ законъ благодати. Но „благодать есть лишь проображеніе славы, ибо не составляетъ конечной цѣли. Законъ былъ прообразомъ благодати, а благодать служить прообразомъ славы, но въ то же время представляетъ собою и средство къ ея достиженію“ ²⁾. Нѣкоторыя мѣста Писанія могутъ соблазнять читающаго своею кажущеюся наивностію или даже невѣрностію своихъ положеній. Но Паскаль въ дѣлѣ пониманія такихъ мѣстъ рекомендуетъ не смущаться по слѣдующимъ соображеніямъ. Если мы имѣемъ двѣ рѣчи и въ одной изъ нихъ все представляется наивнымъ и невѣрнымъ, а въ другой—на ряду съ наивнымъ и невѣрнымъ—мы встрѣчаемъ глубокія, цѣнныя и прекрасныя разсужденія, очевидно, мы не должны тогда спѣшить съ осужденіемъ того, что намъ представлялось наивнымъ. Естественно предположить, что это имѣетъ и особенный смыслъ и особенную цѣль. Когда Слово Божіе невѣрно въ буквальномъ смыслѣ, его нужно понимать духовно. Во многихъ мѣстахъ говорится, что Мессія избавитъ Свой народъ отъ враговъ, это пророчество понимаемое въ буквальномъ смыслѣ не сбылось, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говорится, что Мессія избавитъ отъ беззаконій, неправдъ. Эти слова нужно считать разясняющими слово „враги“. Въ другихъ случаяхъ буква служила прообразомъ. Была ли обѣтованная земля дѣйствительнымъ мѣстомъ успокоенія? Нѣтъ. Слѣдовательно это былъ прообразъ. „Избраннымъ все служить къ добру, даже самыя неясности Писанія; ибо они чтутъ ихъ

¹⁾ Стр. 103.

²⁾ Стр. 98.

за его ясныя стороны; наоборотъ, у другихъ все обращается во зло, даже самыя очевидности, такъ какъ они проклинають ихъ за неясности, коихъ не понимаютъ“¹⁾).

Сильнѣйшее свидѣтельство истинности христіанства представляетъ Собою Иисусъ Христосъ. „Какой человекъ имѣлъ когда-либо больше блеска? Весь еврейскій народъ задолго предсказываетъ Его пришествіе. Язычники поклоняются Ему, когда это пришествіе совершилось. Тѣ и другіе считаютъ Его своимъ средоточіемъ. Но кто изъ людей въ то же время такъ мало пользовался всѣмъ этимъ блескомъ? Изъ тридцати трехъ лѣтъ жизни Онъ тридцать провелъ въ неизвѣстности. Въ теченіе трехъ остальныхъ Онъ слыветъ за обманщика; священники и старѣйшины Его отвергаютъ; друзья и близкіе презираютъ Его. Наконецъ, Онъ умираетъ, преданный однимъ изъ своихъ учениковъ, непризнанный другимъ и покинутый всѣми. Какую долю имѣетъ Онъ въ этомъ блескѣ? Никогда человекъ не имѣлъ такого величія; никогда человекъ не былъ болѣе униженъ. Весь этотъ блескъ послужилъ только намъ, чтобы мы могли вразумиться имъ; Ему же Самому въ немъ доли не было.

Иисусъ Христосъ высказываетъ величайшія истины такъ просто, что кажется, какъ будто Онъ предварительно не размышлялъ о нихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, выражаетъ ихъ настолько ясно, что не остается сомнѣнія относительно того, что Онъ о нихъ думаетъ. Эта ясность въ соединеніи съ такой простотой—изумительна.

Кто указалъ евангелистамъ качества, отличающія вполне героическую душу, что они съ такимъ совершенствомъ изобразили ее въ Иисусѣ Христѣ? Зачѣмъ они представляютъ Его слабымъ въ предсмертныя минуты? Развѣ они не могли изобразить Его болѣе стойкимъ въ смерти? Конечно, могли, ибо тотъ же св. Лука, описывая смерть св. Стефана, изображаетъ его болѣе крѣпкимъ въ эти минуты, чѣмъ былъ Иисусъ Христосъ. Они представляютъ Его подверженнымъ страху смерти до наступленія необходимости умереть, а затѣмъ изображаютъ Его вполне стойкимъ. Но если они описываютъ Его смущеннымъ, то лишь пока Онъ самъ сму-

¹⁾ Стр. 123.

шаетъ Себя; когда же Его смущаютъ люди, Онъ становится совершенно твердымъ.

Церкви стоило такого же труда доказать, что Иисусъ Христосъ былъ человѣкомъ, въ опроверженіе отрицавшихъ это, какъ и доказать, что Онъ былъ Богомъ; видимыя же данныя противорѣчили одинаково сильно тому и другому“. ¹⁾

Свидѣтельства о Христѣ безчисленны. Прежде всего свидѣтельства пророковъ, которые предсказали о времени, мѣстѣ и обстоятельствахъ Его пришествія, о Его жизни, Его миссіи, Его судьбѣ и судьбѣ Его дѣла. О Христѣ свидѣлствуютъ апостолы, евангелисты, свидѣлствуютъ чудеса Христовы и чудеса послѣдователей Христа. Свидѣлствуетъ еврейскій народъ, бѣдствующій доселѣ. „Богъ общалъ имъ, что, хотя Онъ разсѣетъ ихъ по краямъ свѣта, однако, если они будутъ вѣрны закону, Онъ соберетъ ихъ опять. Они очень вѣрны ему, но остаются въ угнетеніи (стало-быть, Мессія явился, а законъ, содержащій эти обѣщанія, пересталъ существовать вслѣдствіе установленія закона новаго“ ²⁾.

Ветхій Завѣтъ, говорящій о Христѣ, имѣющемъ придти, и Новый Завѣтъ, говорящій о Христѣ пришедшемъ, представляютъ собою одну и ту же религію, и религія эта сводится къ тому, что нужно любить Бога и только Бога. По Ветхому Завѣту важно не происхождение отъ Авраама, а любовь къ Богу (Второзак. 8, 19—20; Исх. 41, 3, 6, 7; 43, 16), важно не обрѣзаніе плоти, а обрѣзаніе сердца (Второз. 10, 16—17; Іер. 4, 4), важны не обряды, не внѣшность, а настроеніе (Іоан. 2, 13; Ис. 43), и за то, что въ Іерусалимѣ не было любви, не было религіознаго настроенія, Іерусалимъ отвергнутъ, а Римъ принять. Имя іудеевъ будетъ оставлено для проклятія и замѣнено другимъ (Ис. 44, 15). Паскаль беззавѣтно присоединяется къ тѣмъ, которые на мѣсто Іерусалима ставятъ Римъ. Только Христосъ можетъ привести человѣка въ этотъ Римъ или—Паскаль не повторяетъ имени Рима—въ горній Іерусалимъ. „Богъ христіанъ есть Богъ, дающій душѣ чувствовать, что Онъ ея единственное благо, что весь покой въ Немъ и единственная радость ея въ

¹⁾ Стр. 107—108.

²⁾ Стр. 118.

любви къ Нему; это Богъ, внушающій душѣ въ то же время ненависть къ препятствіямъ, которыя ее задерживаютъ въ стремленіи любить Его всѣми силами. Самолюбіе и чувственность, составляющія эти препятствія, невыносимы для души, и Богъ даетъ ей чувствовать, что себялюбіе глубоко коренится въ ней, и что Онъ одинъ можетъ исцѣлить ее“ ¹⁾.

Но кому Богъ даетъ чувствовать, что Онъ—единственное благо? У Паскаля есть рядъ мѣстъ, заставляющихъ предположить, что онъ вѣрилъ въ безусловное предопредѣленіе. „Ничего мы не поймемъ въ дѣлахъ Божіихъ, если не поставимъ себѣ за правило, что Онъ желалъ ослѣпить однихъ и просвѣтить другихъ“ ²⁾ „Иисусъ Христосъ спасаетъ избранныхъ и осуждаетъ отверженныхъ, виновныхъ въ однихъ и тѣхъ же преступленіяхъ“ (*Jésus Chrst sauve les élus et damne les réprouvés sur les mêmes crimes*) ³⁾. Но если Христосъ спасаетъ не всѣхъ, а лишь предопредѣленныхъ, то, повидимому, выходитъ, что Христосъ умеръ не за всѣхъ. Это положеніе и высказывалось, Паскаль по поводу его сказалъ слѣдующее: „когда говорятъ, что Иисусъ Христосъ умеръ не за всѣхъ, то злоупотребляютъ извѣстнымъ порокомъ людей, готовыхъ тотчасъ придраться къ этому исключенію. Это значить помогать отчаянію, вмѣсто того, чтобы отвлекать отъ него и оживлять надежду“ ⁴⁾. Рѣчь эта не вполне ясна, но во всякомъ случаѣ она ободряетъ надежду на спасеніе и порицаетъ отчаяніе.

Нужно надѣяться на свое спасеніе и заботиться о немъ, нужно надѣяться на спасеніе ближнихъ и стремиться направлять ихъ къ этому спасенію. Нужно выработать методы обращенія человѣка къ вѣрѣ. Человѣкъ лучше убѣждается тѣми доказательствами, до которыхъ доходитъ самъ, чѣмъ тѣми, которые убѣдили другихъ. Поэтому апологетъ долженъ поставить себя на мѣсто убѣждаемаго, понять его внутренній міръ и направить его такъ, чтобы онъ самостоятельно продумалъ и принялъ возвѣщаемую ему истину. Нужно обращаться ко всѣмъ душевнымъ способностямъ человѣка, захватить его всецѣло—его разумъ, сердце, во всемъ возбудить стремленіе

¹⁾ Стр. 131—132.

²⁾ Стр. 126, тоже на стр. 131.

³⁾ Стр. 97—98.

⁴⁾ Стр. 144.

къ обращенію, чтобы никакая склонность не отвлекала его къ гибели. Не нужно отрекаться отъ людей, обнаруживающихъ отвращеніе къ религіи. „Иные люди,—говоритъ Паскаль,—имѣютъ презрѣніе къ религіи; они ненавидятъ ее и боятся, что она истинна. Чтобы исцѣлить это зло, нужно начать съ указанія, что религія совсѣмъ не противорѣчитъ разуму: затѣмъ, что она достойна уваженія, и—внушать это уваженіе; что она заслуживаетъ любви, и—внушать желаніе найти ее истинной, а потомъ—показать, что она дѣйствительно истинна, достойна уваженія, потому что вполнѣ познала человѣка, и достойна любви, какъ общающаяся истинное благо“¹⁾.

Но довольно излагать Паскаля. Кому этотъ писатель на основаніи изложеній представляется интереснымъ, тотъ легко можетъ ознакомиться съ нимъ самъ. Читая Паскаля легко и пріятно; его книга невелика по объему и написана блестящимъ и сильнымъ языкомъ. Но даже и тѣ, которые безусловно несогласны съ нимъ, всегда отдадутъ честь благородству его настроенія, силѣ его мысли, гибкости его слова. Отдѣльныя его положенія могутъ служить точками отправленія для цѣлыхъ трактатовъ и отъ всѣхъ его положеній вѣетъ жизненностію. Его защита религіи какъ бы предвосхищаетъ возраженія, которыя дѣлалъ противъ нея XIX и дѣлаетъ XX вѣкъ. Паскаль съ своими мыслями является намъ не какъ человѣкъ прошлаго, а какъ современникъ, который борется за одни идеалы противъ идеаловъ другихъ. Но за какіе идеалы онъ борется? За христіанскіе. Но христіанство распадается на много исповѣданій; къ какому примыкаетъ Паскаль? Онъ былъ католикомъ XVII столѣтія, его Іерусалимомъ былъ Римъ, но онъ отрицалъ непогрѣшимость Рима, и естествененъ вопросъ—остался ли бы онъ вѣрнымъ сыномъ Рима послѣ 1870 г., когда римскій первосвященникъ свою непогрѣшимость провозгласилъ догматомъ? На этотъ вопросъ можетъ отвѣтить лишь самъ Паскаль. Но не трудно видѣть, что если нѣчто отдѣляло его отъ католическаго міра, то и между нимъ и другими исповѣданіями стоятъ серьезныя преграды. Несомнѣнно отъ православія его отдѣляло *filioque* и можетъ быть *immaculata conceptio*, это—въ области догматической, въ области практической Паскаль—этотъ пале-

¹⁾ Стр. 151.

рояльскій монахъ былъ совершенно сыномъ католическаго строя. Паскаль не могъ примкнуть къ англиканской церкви, къ протестантскимъ общинамъ, онъ признавалъ за церковию авторитетъ непогрѣшимости, право контроля надъ совѣстію, ему былъ нуженъ постоянный духовникъ. Можетъ быть Паскаль пошелъ бы за старокатоликами? Трудно отвѣтить на это положительнымъ образомъ. Старокатолики вѣдь не только отвергаютъ непогрѣшимость папы, которую не признавалъ и Паскаль, но отвергаютъ и нѣчто другое, что Паскаль признавалъ всею душою. Такъ, предпринявъ вообще догматическій пересмотръ и возвращеніе къ ученію нераздѣленной церкви IX вѣка (а не XVII, къ которой принадлежалъ Паскаль), старокатолики нашли неудачнымъ терминъ „пресуществленіе“ въ таинствѣ Евхаристіи. Позволительно остановиться на этомъ, тѣмъ болѣе, что и нѣкоторые православные писатели, сочувствуя старокатоликамъ, легко, повидимому, готовы пожертвовать этимъ терминомъ. Позволительно думать, что Паскаль не присоединился бы къ нимъ. Терминъ есть обозначеніе мысли. Противники термина не принимаютъ его, повидимому, потому, что не допускаютъ, что хлѣбъ и вино въ таинствѣ Евхаристіи становятся дѣйствительными тѣломъ и кровію Господа І. Христа, они говорятъ о духовномъ присутствіи Христа въ Евхаристіи. Вотъ что, кажется, нужно сказать имъ. Если бы хлѣбъ и вино *дѣйствительно* стали тѣломъ и кровью, то терминъ „пресуществленіе“ былъ бы неточенъ. Хлѣбу, чтобы стать тѣломъ, не нужно пресуществляться, такъ какъ существо хлѣба и тѣла одно и то же. Этому наставляютъ насъ химія и физиологія. Но претвореніе хлѣба въ тѣло *Христово* есть пресуществленіе, ибо есть внесеніе въ него новаго существа, новаго начала, которое преобразуетъ существо прежнее. Единородный Сынъ Божій, воплотившись, соединился съ земною природою, но отъ этого не послѣдовало прямо преобразованія зараженной грѣхомъ земной природы. Природа преобразуется постепенно чрезъ усвоеніе ею божественнаго начала. Въ таинствѣ Евхаристіи происходитъ соединеніе Христа съ матеріальною природою вина и хлѣба. Хлѣбъ и вино становятся тѣломъ и кровью Христа. Не химическіе и физиологическіе процессы происходятъ здѣсь, а соединеніе Божества съ матеріею, преобразующую матерію. Эту божественнопре-

образованную матерію воспринимаетъ въ себя неосужденно причащающійся. Особенный характеръ процесса, пресуществленіе матеріи въ идеальное состояніе черезъ соединеніе съ Божествомъ, и отмѣчается терминомъ „пресуществленіе“. Если же хлѣбъ и вино не пресуществляются, то тогда они оказываются совершенно условнымъ символомъ, соединяющимъ со Христомъ человѣка, символъ можетъ быть замѣненъ всякимъ другимъ и у таинства не оказывается никакого спеціальнаго характера. Трудно принять это воззрѣніе тѣмъ, которые причащаются въ очищеніе души и тѣла, въ оставленіе грѣховъ и жизнь вѣчную, которые къ своей грѣховной плотской природѣ прививаютъ въ этомъ таинствѣ природу безгрѣшную. Паскаль, для котораго догматъ, формула, все въ религіи было жизнію, конечно, не могъ бы легко поступиться содержаніемъ религіи, чтобы примкнуть къ той или иной общинѣ.

Отсюда образъ Паскаля остается трагическимъ. Онъ хотѣлъ быть послушнымъ сыномъ церкви, но нѣтъ ни одной церкви, исповѣданіе которой было бы исповѣданіемъ Паскаля. Но, конечно, не намъ—православнымъ—судить Паскаля. Его „мысли“ драгоцѣнный даръ православной апологетикѣ, въ нихъ есть даже аргументы противъ католицизма (168, XXVII—XXVIII). Въ исторіи европейской мысли мы всегда съ благодарностію и почтеніемъ будемъ указывать на двухъ философовъ, которые были католиками и взгляды которыхъ приближались къ православію. Это—Блезъ Паскаль и Францъ Баадеръ.

С. Глаголевъ.
